УДК 341.9(479.24:560)

МАХМУДОВА О.А.

Принцип тесной связи в системе международного частного права

В данной статье, затрагивающей основные свойства одного из главных принципов международного частного права – фактора наиболее тесной связи, подвергнуты анализу существенные и общеупотребимые формулы прикрепления, наряду с которыми применяется и множество других, носящих более узкий и специальный характер. На примере азербайджано-турецких отношений принцип тесной связи представляется правовым выражением эффективного взаимодействия национальных (внутригосударственных) правовых систем. Автором анализируются также правовая природа коллизионных норм, их структура и классификация, а также концепция характерного исполнения.

Ключевые слова: Римская конвенция, коллизия, субсидиарная привязка, характерное исполнение, локализация.

Широкое развитие внешнеэкономической деятельности азербайджанских предприятий и предпринимателей, постепенная интеграция азербайджанской экономики в мировое хозяйство, участие Азербайджанской Республики в универсальных и региональных международных структурах экономического и валютно-финансового характера делают крайне необходимыми глубокие знания в области международной торговли, международных финансовых расчетов, международного коммерческого арбитража, т.е. всего того, что обычно принято определять термином «международное частное право».

Одним из основных принципов международного частного права является принцип наиболее тесной связи. В условиях глобализации мировых хозяйственных связей и интернационализации межгосударственных социально-экономических отношений принцип тесной связи играет важную роль в системе международного частноправового регулирования. Этим объясняется значение данного принципа в международном частноправовом регулировании турецко-азербайджанских отношений. Принцип тесной связи является правовым выражением взаимодействия национальных (внутригосударственных) правовых систем. Следовательно, принцип тесной связи прежде всего регулирует отношения между правовыми системами. Принимая во внимание то, что сложившиеся отношения между правовыми системами Турции и Азербайджана являются межгосударственными, принцип тесной связи может составить правовую основу международного частноправового регулирования турецко-азербайджанских отношений.

Согласно исследуемому принципу, международные частноправовые отношение с иностранным элементом регулируются механизмами правовой системы той страны, с которой наиболее тесно связаны. Исторически данная формула прикрепления сложилась в англо-саксонской системе права относительно недавно, но уже получила закрепление в европейском праве, а именно в Римской конвенции 1980 г. Согласно ст. 4 Конвенции, если стороны договора не выбрали применимое право, то им будет право того государства, с которым договор наиболее тесно связан.

Наиболее тесная связь договора и применимого права определяется целым рядом факторов, специфичных для того или иного договора[1].

Принцип тесной связи характерен прежде всего для коллизионного регулирования. Данный принцип является правовой формой объективно существующих связей между международными частными отношениями и национальными правовыми системами[2]. Учитывая то, что каждая форма обладает определенным содержанием, возникает необходимость определения содержания и правовой природы принципа тесной связи. В юридической литературе подход к этому вопросу довольно спорный. На самом деле содержание принципа тесной связи очевидно. Речь здесь о взаимосвязях используемого права в регулируемых правоотношениях. Споры возникают как раз по поводу определения этих связей.

В юридической литературе настойчиво отмечается коллизионная природа принципа тесной связи. И.П. Звеков отмечает, что принцип тесной связи обладает начальным коллизионным статусом[3]. По мнению Н.Ю. Ерпылевой, в сравнении с принципом автономии воли принцип тесной связи выступает в роли дополнительной коллизионной привязки[4]. В юридической литературе отмечается более обширное содержание принципа тесной связи в отличие от коллизионной нормы. В.В. Кудашкина отмечает, что принцип тесной связи имеет не только коллизионную, но и международную частноправовую природу в отражении сущности международного частного права в целом[5]. По мнению Е.В. Кабатовой, несмотря на относительную внешнюю схожесть с коллизионной нормой, принцип тесной связи доказывает постепенный отказ от коллизионного подхода в вопросе определения применяемого права[6].

Считаем, что можно согласиться с мнением последних авторов. Несмотря на то, что принцип тесной связи характерен для коллизионного регулирования, по содержанию он более обширен. Принцип наиболее тесной связи выступает скорее как общий принцип, а не как результат применения коллизионной нормы. Если сравнить структуру обычной коллизионной нормы с привязкой «тесная связь», то следует признать, что «тесная связь» очень мало на нее похожа. Привязка коллизионной нормы всегда указывает на конкретную правовую систему, подлежащую применению. Это дает нам основания утверждать, что нахождение в тесной связи – не результат применения коллизионной нормы, а результат применения общего принципа, уже широко используемого в современном международном частном праве для определения применимого права.

Коллизионная норма в резкой форме подчиняет договорное отношение конкретной правовой системе, тогда как принцип тесной связи создает более благоприятные условия для регулирования частных отношений. Такие благоприятные правила существуют в тех или иных национальных и транснациональных правовых системах.

Значение принципа тесной связи подтверждается тем, что он закреплен в международном частноправовом законодательстве многих государств. В законодательстве Австрии, Лихтенштейна, Российской Федерации и др. принцип тесной связи предусмотрен как основной принцип коллизионного регулирования. Например, в Законе Австрии «О международном частном праве» от 1978 г. отмечается, что вопросы, связанные с внешними делами, разрешаются тесно связанными между собой правовыми правилами. Отдельные коллизионные нормы, предусмотренные в Законе, являются выражением этого принципа[7]. В законодательстве Германии, Швейцарии, Грузии и др. принцип тесной связи определяется как формула дополнительной привязки.

Принцип тесной связи предусмотрен и в некоторых международных договорах. К примеру, можно отметить Римскую Конвенцию 1980 г. «О праве, применимом к договорным обязательствам» (ст. 4, ч. 1), Гаагскую Конвенцию 1986 г. «О праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров» (ст. 8, ч. 3).

В законодательстве по международному частному праву Азербайджана и Турции также предусмотрен принцип тесной

связи. Другими словами, в отношении этого принципа оба государства выступают со схожих позиций, так как считают его коллизионным принципом. Однако в законодательстве обоих государств принцип тесной связи определяется не как основной коллизионный принцип, а как формула субсидиарной (дополнительной) привязки. В статье 25 Закона Азербайджанской Республики «О международном частном праве»[8] и в статье 24 Закона Турецкой Республики «О международном частном праве и международном гражданском процессе»[9] предусмотрено, что при отсутствии соглашения сторон обязанности определяются по праву места, с которым договорные обязательства связаны теснее. Наконец, в законодательстве обоих государств принцип тесной связи определяется в связи с различными вопросами – договорными обязательствами (Закон АР ст. 25; Закон ТР ст. 24), лицами с двумя и более гражданствами (Закон АР ст. 9.1; Закон ТР ст. 4).

Несомненно, по этим вопросам в законодательстве обоих государств имеются определенные различия. К примеру, если в статье 25 Закона Турецкой Республики «О международном частном праве и международном гражданском процессе» применение принципа тесной связи предусмотрено и в отношении обязательств, возникающих без причинения вреда[10], то в Законе Азербайджанской Республики «О международном частном праве» по этим обязательствам данный принцип не применяется. Если в законодательстве Азербайджанской Республики в применении права государства с несколькими правовыми системами предусмотрено использование принципа тесной связи[11], то в законодательстве Турецкой Республики такое положение отсутствует. Кроме того, в законодательстве Азербайджанской Республики принцип тесной связи обычно определяется как формула дополнительной привязки. Согласно статье 25 Закона Азербайджанской Республики «О международном частном праве», при отсутствии соглашения между сторонами по договорам, не предусмотренным в статьях 25.1 и 25.2, применяется право страны, с которой договор наиболее тесно связан. В Законе Турецкой Республики принцип тесной связи применяется как последнее звено в цепи дополнительных привязок.

Согласно статье 24 указанного Закона, если применимое право не было определено самими сторонами, то им будет право того места, где исполнялись обязательства договора, а если таких мест несколько, то право более значимого из них. Такая постановка соответствует положениям Гаагской конвенции 1978 и 1980 годов. Так, статья 6 Гаагской конвенции 1978 г. предусматривает, что если применимое право не было определено самими сторонами, то им будет национальное право того государства, на территории которого в момент заключения агентского соглашения агент имел свое коммерческое предприятие или, при отсутствии такового, свое обычное место жительства. В соответствии с Гаагской конвенцией 1986 г., если стороны не выбрали право, подлежащее применению к договору купли-продажи, то таким правом будет право того государства, где продавец имел свое коммерческое предприятие в момент заключения договора (п. 1 ст. 8).

Очевидно, что существующие различия имеют скорее технический характер. Отношение к сущности принципа тесной связи, основам его применения в законодательства обоих государств одинаковое, так как Азербайджанская и Турецкая Республики не участвуют в международных договорах и соглашениях, в которых закреплен принцип тесной связи. В различных двусторонних договорах и соглашениях (о взаимной правовой помощи, по сотрудничеству в сфере социальной защиты и др.), заключенных между Азербайджанской и Турецкой Республиками, также не предусмотрен принцип тесной связи. Следует отметить некоторое своеобразие двусторонних договоров. Так, в договорах и соглашениях о взаимной правовой помощи, о сотрудничестве в сфере социальной защиты коллизионные нормы не предусмотрены. Однако в соответствующих договорах Азербайджанской Республики с Российской Федерацией, Литвой,

Ираном и др. определены некоторые коллизионные нормы.

В таком случае соответствующие юрисдикционные органы обоих государств при применении принципа тесной связи могут полагаться исключительно на свое законодательство. В применении принципа тесной связи такой подход приведет к возникновению вышеуказанных технических различий, исходящих из внутригосударственного законодательства. Отмеченные различия создают определенные трудности в процессе применения принципа тесной связи.

Вопрос критериев определения принципа тесной связи в юридической литературе до сих пор вызывает споры. Важно установить, каким факторам отдать предпочтение – субъективным или объективным[12]. В отличие от английской доктрины, принимающей оба фактора, в германской доктрине применяется объективный фактор. Так, в случае, если применимое право не было определено самими сторонами, применяется право, гарантирующее характерное исполнение (characteristic performance) сущности договора[13]. Критерий, на котором основывается германская доктрина, закреплена в Конвенции 1980 г. «О праве, применимом к договорным обязательствам» (ст. 4).

Нельзя не отметить тот факт, что концепции характерного исполнения присуща некоторая доля неопределенности, поэтому определение формулы «характерное исполнение» вызывает специфические трудности. Для их устранения было предложено рассматривать в качестве характерного исполнения такое обязательство, которое позволяет отличить один вид договора от другого. «Характерное исполнение» определяется как исполнение, характерное именно для данного договора, чем он и отличается от других договоров[14]. Таким образом, уплата денежных сумм по договору никогда не будет характерным исполнением, скорее им будет то обязательство, за которое должно быть получено денежное вознаграждение. Значит, контракт характеризуется не уплатой денежной суммы, а взаимным исполнением, т.е. исполнением, создающим основание для уплаты[15]. Желательно, чтобы концепция характерного исполнения нашла должное отражение в современном азербайджанском законодательстве, что, безусловно, будет шагом вперед на пути унификации национального коллизионного права и его гармонизации с европейским правом.

Другой вопрос, создающий трудности для судов Азербайджана и Турции, заключается в том, что в законодательстве обоих государств не закреплены основания определения принципа наиболее тесной связи. Считаем, что определение четких критериев в законодательстве обоих государств будет целесообразным шагом и значительно облегчит работу правоприменительных органов. Как законодательные, так и правоприменительные органы, призванные определить эти критерии, должны учитывать объективные и субъективные свойства правоотношения. Объективное свойство отношения отражает тесную связь с территорией (территориальная локализация), а субъективное свойство – связь с правовым порядком (правовая локализация) государства[16]. Следует учитывать, что правовая локализация зависит от желания государства воздействовать на конкретное правоотношение. Правовая локализация отражает территориальную локализацию. Однако было бы неправильно отдавать ей предпочтение, иначе тесная связь определялась бы по желанию государства. Это подтверждается практикой определения коллизионных норм. Коллизионные нормы, определенные государством, отражают принцип тесной связи. Однако эти определения выражают субъективную позицию государства.

Следует отметить, что некоторые коллизионные нормы правовой локализации выражают принцип тесной связи. Например, если предметом контракта выступают вещные права в отношении недвижимого имущества, то фактором наиболее тесной связи будет являться место нахождения недвижимости. В этом случае применение права места нахождения недвижимого имущества требует определения территориальной локализации, субъекта

и объекта конкретного правоотношения, поведения субъекта и других явлений.

Подводя итог, можно сказать, что принцип наиболее тесной связи является одним из принципов системы международного частноправового регулирования. В условиях углубления социально-экономической интеграции принцип тесной связи не только регулирует отношения между правовыми системами Турции и Азербайджана, но может также создать основу для обобщения коллизионного регулирования и интеграции правовых систем обоих государств. Из этого следует, что закрепление фактора тесной связи как в двусторонних договорах, так и во внутригосударственном международном частноправовом законодательстве как основного принципа является вполне закономерным. Это, в свою очередь, требует определения критериев принципа тесной связи и его закрепления в законодательном порядке.

[1] Ерпылева Н.Ю. Международное частное право России // Гражданин и право. 2002. № 7/8.

[2] Кудашкин В.В. Правовое регулирование международных частных отношений. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2004. С. 114.

[3] Звеков В.П. Международное частное право. М.: Изд-во: Инфра-М, Норма, 1999. С. 124.

[4] Ерпылева Н.Ю. Международное частное право. М.: Издательский дом «NOTA BENE», 1999. С. 87.

[5] Кудашкин В.В. Правовое регулирование международных частных отношений. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2004. С. 117.

[6] Кабатова Е.В. Новый этап развития Российского международного частного права / Российский ежегодник международного права. СПб., 2003. С. 123.

[7] Международное частное право. Иностранное законодательство / Предисл.: Маковский А.Л.; Сост., науч. ред., введ.: Жильцов А.Н., Муранов А.И. М.: Статут, 2001. С. 158.

[8] Сборник Законов Азербайджанской Республики. Кн. 3. Баку, 2000. С. 528.

[9] Международное частное право. Сборник нормативных актов / Сост.: Дмитриева Г.К., Филимонова М.В. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, ТК Велби, 2006. С. 580.

[10] Международное частное право. Сборник нормативных актов / Сост.: Дмитриева Г.К., Филимонова М.В. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, ТК Велби, 2006. С. 580.

[11] Сборник Законов Азербайджанской Республики. кн. 3, 2000. С. 527.

[12] Международное частное право. Перевод с англ. / Норт П., Чешир Д.; Пер.: Андрианов С.Н.; Под ред. и со вступ. ст.: Богуславский М.М. М.: Прогресс, 1982. С. 246–247.

[13] Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П. Международное частное право и сравнительное правоведение. М.: Международные отношения, 2001. С. 141–145.

[14] Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П. Международное частное право и сравнительное правоведение. М.: Международные отношения, 2001. С. 147.

[15] Hay P. Flexibility verus Redictabibility and Uniformity in choice of law. Reflections on Current European and states Conflicts Law // Recoil des Courts. 1991. P. 359.

[16] Толстых В.Л. Коллизионное регулирование в международном частном праве. М.: Спарк, 2002. С. 39.